

Ольга Жилевич
Полесский государственный
университет в Пинске
jilevitch@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6044-2917

Руслан Гагуа
Полесский государственный
университет в Пинске
gagua@tut.by
ORCID: 0000-0002-1722-5914

Традиции французской философской прозы эпохи Просвещения в современном белорусском философско-аллегорическом романе

ABSTRACT: Jilevitch Olga, Hagua Ruslan, *Traditsii francuzskoi filofsoskoi prozy epokhi Prosveshcheniia v sovremennom belorusskom filofsosko-allegoricheskom romane* (Traditions of the Enlightenment French Philosophical Prose in the Modern Belarusian Philosophical-Allegoric Novel). "Poznańskie Studia Slawistyczne" 15. Poznań 2018. Publishing House of the Poznań Society for the Advancement of the Arts and Sciences, Adam Mickiewicz University, pp. 259–270, ISSN 2084-3011.

Some Belarusian philosophical-allegoric novel renewal periods have been studied closely with the emphases on the historic, social and cultural heritage of different epochs. In the article, the decisive role of the Enlightenment French philosophical prose is noted in the development of the modern Belarusian philosophical-allegoric novel. The Enlightenment French philosophical-allegoric text is a model of reality, simple for understanding, with a fascinating adventure story, but with an obscure moral and philosophical attitude and didacticism. The 18th century philosophical-allegoric prose is distinguished by the parable form of narrative, which is characterized by moral and philosophical problems, global questions about the life and destiny of people, marked by didacticism, by a high degree of generalization, and the obligatory projection of the idea on the reader views. The article proves the influence of Montesquieu, Voltaire, and Diderot' philosophical works on the development of the modern philosophical-allegoric novel in Belarusian literature. The article analyzes the poetics of Belarusian contemporary works of this genre taking into account the French traditions of the Enlightenment.

KEYWORDS: traditions; the Enlightenment; French philosophical prose; Belarusian philosophical-allegoric novel; irony; genre

1. Введение

Период Просвещения – это эпоха социально-экономических преобразований, идеи которых нашли отражение в художественной литературе. Характерной особенностью французского Просвещения является предельное сближение философии и литературы, выразившееся уже в том, что крупнейшие философы этого времени были одновременно выдающимися писателями. Как следствие, наибольшее распространение приобретает философская проза, опыт которой найдет отражение в творческом процессе мировой культуры последующих эпох.

Цель данной статьи – выявить традиции французской философской прозы периода Просвещения в художественной системе белорусского современного философско-аллегорического романа.

2. Основная часть

В эпоху Просвещения французские писатели Вольтер, Дидро, Руссо и другие пытались приблизить искусство к философской и общественной жизни. Их стремление воспитать человека, „дать образование”, передать понимание взаимосвязи природы и разума человека, разработать своеобразный «поучительный» стиль эпохи. Как отмечает Н. Риаланд, принципиального различия между большими (роман) и малыми (повесть, сказка) философскими жанрами XVIII века нет (Riolland, 2013). Дидактизм многих произведений XVIII в., их смоделированность, назидательность, присутствие героя, который обнаруживает авторские взгляды на человека, повышают роль интеллектуального элемента в художественной прозе. Писатель, придерживаясь определенных философских взглядов на окружающий мир, общество и человека и, стремясь выразить их в доступной форме, передавали их в виде повествования о жизни.

Именно в эпоху Просвещения появилось понятие „философский роман”. Впервые его употребил маркиз де Сад в своем произведении *Алина и Валькур или Философский роман*, который тем самым хотел представить обобщенную форму рецепции своего романа.

Философско-аллегорический роман эпохи Просвещения представляет собой модель действительности, простую для понимания, в которой на поверхности – увлекательный авантюрный сюжет, но глубже – морально-философская установка и назидательность.

Писатели в этот период вкладывают в философско-аллегорический роман проблемные ситуации, которые определяют особенности его поэтики. Философские произведения, таким образом, отражают определенный ряд философских идей, но воплощение содержания происходит несколькими приёмами:

- 1) в форме полемики, отрицания неких философских теорий;
- 2) в форме дискуссии, столкновения взаимоисключающих точек зрения с целью достичь истины;
- 3) в форме апологии определенной философской системы (Забабурова, 1999, 95).

В русле прозы французских просветителей философско-аллегорический роман является удобной формой художественного выражения мировоззрения, он имеет морально-назидательный характер, смоделированность сюжета, универсальный тип героя, для него характерна двухплановость композиции, ирония, символично-аллегоричный язык и иносказательность.

Важно отметить, что сознательно выстроенное игровое пространство философского романа, принципиально не ориентированное на жизнеподобие, в отличие от других форм романа XVIII века, объективно определяет свойственную ему тенденцию к пародированию известных устоявшихся жанров. Чаще всего пародируются романы путешествий (*Персидские письма* Монтескье, *Микромегас* и *Простодушный* Вольтера), любовно-авантюрные романы (*Кандид* Вольтера). Вместе с тем создаются и новые жанровые формы, в частности, роман-диалог (*Племянник Рамо*, *Жак-фаталист* Дидро, *Философия в будуаре* маркиза де Сада) (Забабурова, 1999, 95).

Философско-аллегорические произведения XVIII века отличает притчевая форма повествования, для которой характерна морально-философская проблематика, глобальные вопросы о жизни и судьбе человека, маркированные назидательностью, высокой степенью обобщенности и обязательным проецированием идеи на взгляды читателя.

Как утверждает С. Спектор, *Персидские письма* Монтескье – это один из первых философско-аллегорических романов XVIII века (Спектор, 1997, 82). Писатель выбрал эпистолярную форму произведения, так как она позволяла свободно вводить в повествование философские отступления. Автору удалось привязать к роману философию, политику и мораль, связав все это незаметной условной нитью. Ещё одной особенностью этого произведения является то, что Монтескье развитие своих персонажей представляет как развитие их идей: „я старался прежде всего проследить за тем, как возникали и развивались их мысли” (Монтескье, 1855, 15). У него философская проблематика приобретает форму парадокса и отстранения: „Мы просим читателей обратить внимание на то, что вся прелесть заключается в вечном контрасте между реальными вещами и странной, наивной и причудливой манерой, с какой эти вещи воспринимались” (Монтескье, 1855, 15).

Из этого авторского комментария видно, что автор подчеркивает условность, вымысел своего произведения и трактует романную форму как экспериментальную площадку для развертывания философских рассуждений.

Восточные мотивы, которые Монтескье впервые использовал в философско-аллегорическом романе, охотно поддержали его продолжатели, упрочивая прием отстранения и условность окружающей среды. Вольтер разработал на этой основе жанр восточной философской повести (Артамонов, 1960, 10).

Таким образом, французский философский роман эпохи Просвещения подчинен внутренней логичности развития художественно-философских идей, в нем не отражается саморазвитие характера героя и реальные жизненные противоречия.

В современной белорусской литературе очень распространенным является жанр философско-аллегорического романа. Самые известные белорусские писатели обращались и продолжают обращаться к философско-аллегорической форме для решения своих художественных задач. Среди них: А. Адамович, В. Быков, В. Казько, В. Короткевич, Я. Колас, И. Мележ, О. Минкин, Б. Петрович, Я. Сипаков, К. Чорный, В. Некляев и многие другие.

В поэтике современного белорусского философско-аллегоричес-

кого романа прослеживается множество типологически сходных черт с французской философской прозой Просвещения.

В произведениях XX в. этого жанра самым устойчивым параметром по сравнению с другими уровнями выступает содержательно-композиционная организация. В романах по-прежнему рассматривается Бытие, но не как проводник единой Истины, а в пародийном ключе. Подобно сатирическому гротеску в философской прозе Вольтера понятия Бога, Природы, Слово в белорусском философско-аллегорическом романе получают ироническую рефлексию.

В своих философских произведениях Вольтер комически интерпретировал философские теории и пародировал литературные формы и жанры. Так, в *Кандиде* запечатлена колоритная пародия на любовно-приключенческий роман. Писатель использовал легко узнаваемые литературные реминисценции, что усиливало игровую парадигму и условный фон. В *Микромегасе* Вольтера пародируются мотивы литературы о путешествиях в иные миры, в *Задиге* комическую окраску приобретают восточные мотивы французской литературы первой половины XIX века.

Подобно вольтеровской философской прозе, в белорусском философско-аллегорическом романе придаются сатирическому гротеску все обманчивые виды современной жизни, сознанию читателя при этом открывается только ее настоящая невидимая сущность.

В философско-аллегорическом романе *Правдивая история страны хлудов* О. Минкина один из главных художественных приемов – ирония. В произведении сакральным понятиям придается сатирическое содержание. Гротеск проявляется на нескольких уровнях: гротескные топонимы (бульвар Обещаний-безделушек *бульвар Абьяцанкаў-цацанкаў*); гротескные персонажи (иностранец Шампанский *іншаземец Шампанскі*); гротескные ситуации – „возрождение” страны хлудов (Мінкін, 1994). Амбивалентный гротеск через увеличительное стекло гиперболизации, излишества, сочетания трагического с комическим позволяет не только разоблачить бессмысленное и безобразное, но одновременно выявить и авторские идеалы. В философской прозе В. Быкова *Герой, Букет роз, Редкий дар, Черная сила* (Быкаў, 2005) наиболее активную реализацию также получают ирония и гротеск.

На страницах романа *Бунт невостробованного краха* В. Казько с помощью иронии ведет своеобразную игру с читателем, стараясь придать новые трактовки некоторым событиям из истории бывшего советского народа (Казько, 2013). Иронией проникнуты такие сцены произведения как побоище по случаю полёта в космос Юрия Гагарина, посещение Смольного дворца сибиряками, беседа двух однополчан во время похорон бывшего полицейского.

Сатирический прием позволяет писателю заострить многогранные вопросы, которые ставит перед человеком жизнь: идеи веры и надежды, добра и зла, памяти и верности, мотивы одиночества, отчуждения и сопротивления. Прозаик возобновляет в романе реакцию главного героя – Германа Говора, который переживает давление страшного, бесчеловечного современного мира:

Пазбаўлены цялеснай абалонкі, зямной сваёй плоці, ен пачынаў імкліва разрастацца. Ён бачыў сябе то валацужным сабакам, што чорным ценем ціснуўся да пад'ездаў будынкаў ці слізгацеў па сметніках, то птушкай, што лунала ў небе, апякаючыся зыркiм, але мёртвым холодам зорак... Не чалавек – монстр¹ (Казько, 2013, 251).

Подобно философским произведениям периода Просвещения, событийно-повествовательный уровень современных философско-аллегорических романов – неразветвленный, сюжет вообще может представлять собой универсальное начало однотипных ситуаций, как правило, он сконцентрированный (Dornier, 2013, 27). Подобная концентрация сюжета, характерная еще для вольтеровской философской прозы, необходима современному философско-аллегорическому роману, так как в локальной атмосфере легче ставить и решать острые проблемы различного характера (политического, идеологического, социального и других). Всё это характерно для произведений В. Быкова *Сотников*, *Обелиск* (Быкаў, 2005), Б. Петровича *Сон среди чудовищ* (Пятровiч, 1994).

¹ „Лишенный телесной оболочки, земной своей плоти, он начинал стремительно разрастаться. Он видел себя то бездомной собакой, которая черной тенью жалася к подъездам зданий или скользила по помойкам, то птицей, которая витала в небе, обжигаясь ярким, но мертвым холодом звезд. Не человек – монстр”. Перевод цитат наш – Жилевич О., Гагуа Р.

Современному белорусскому философско-аллегорическому роману, подобно философским произведениям Просвещения по-прежнему присущ двуплановый сюжет, это значит, что он предполагает два плана прочтения: реально-бытовой (повествовательный) и иносказательный (философско-обобщенный). Способы реализации двуплановости в философско-аллегорическом романе разные: чаще всего создание иносказательно плана осуществляется за счет усложнения повествовательной ткани разнообразным культурологическим и ассоциативно-символическим подтекстом.

К примеру, в философско-аллегорическом романе *Последняя пастораль* А. Адамовича важную роль в создании сложного ассоциативно-символического подтекста выполняют отдельные эпиграфы-притчи, предшествующие каждому из разделов (Адамович, 1987). Автор использует фрагменты из древнего индийского и вавилоно-ассирийского фольклора, цитаты из Библии (из *Книги Иова*, *Песни Песней*), а также отрывки из художественных произведений различных национально-исторических эпох (Лонг *Дафнис и Хлоя*). Богатство легендарно-мифологического материала помогает писателю поднять злободневную проблематику к уровню глубокого, концептуально-философского понимания, связать ее с духовной историей всего человечества.

В философской прозе эпохи Просвещения, в частности, у Монтескье в *Персидских письмах* персонажи представляют собой героя-резонера, персонажи не вовлечены в события созерцаемого мира: они судят о нем по мере передвижения внутри его, не смешиваясь с ним, неизменно воплощая в себе автономное сознание. Подобная роль персонажей сохранилась и в белорусском философско-аллегорическом романе.

Персонаж символизирует собой всё человечество или определенный класс. Кроме того, писатели стремятся в пределах локального объекта отображения воплотить бытие в его совокупности, „Микромир” становится аналогом „Макромира”. Однако, несмотря на то, что в произведениях присутствуют некоторые черты характера, и даются портретные и психологические зарисовки философского персонажа, он не превращается в самобытную, индивидуализированную личность.

Главными в определении художественного образа остаются его моральные качества. Автор философско-аллегорического романа, как правило, создает в своем произведении такой конфликт, выход из которого возможен исключительно при одном условии: только человек с высокими моральными качествами может решить ситуацию. Но, прежде чем сделать выбор в пользу добра и гуманизма, герой должен выстрадать его, пройдя через испытания.

Примером может служить Юрий Братчик – главный герой философско-аллегорического романа *Христос приземлился в Гродно* В. Короткевича. *Мужицкий Христос*, как его ласково называют в произведении соратники, на протяжении всего своего тернистого пути делает выбор в пользу добра (Караткевич, 2000, 36).

В белорусском философском произведении человек и мир, сознание и бытие все время находятся во взаимодействии. Это предопределяет специфический характер их раскрытия: изоморфизм микро- и макрокосма, взаимодействие человека, природы и вообще культуры. Новый тип героя, сформированный в этом жанре, влияет на особенности построения системы персонажей. Характеры героев определяются содержательными парадигмами. Универсальная составляющая образа предстает уже как готовая и неизменная, и, таким образом, создается ряд близких, но не подобных персонажей.

Движение философско-аллегорического характера совершается от общего к универсальному, выход героя за собственно повествовательных рамок оказывается тесно связанным с темпоральной структурой произведения. Если события начинают приобретать оттенок всеобщности, исчезает „сейчас” и „здесь”, реальность углубляется и перевоплощается в символ жизни, в ее философское осмысление. В романе Т. Бондарь *Паутина* главная героиня, современная писательница Анеля, чувствует одиночество, отсутствие настоящей человеческой близости. В поиске собственного творческого пути женщина попадает на дорогу, которая приводит ее во времена Иисуса Христа. В романе повествуется о духовном падении и одиночестве главного персонажа, а также духовном очищении библейского персонажа – Марии Магдалины (Жылевич, 2016, 284).

Перед читателем предстает личность в драматически-напряженном состоянии: произведение начинается с того, что главная героиня,

жертвует своей жизнью, спасает ребенка. Момент „просветления” Анели приобретает эмоциональную, субъективную окраску. В романе показан не характер, а состояние персонажа, оказавшегося в трудной для него ситуации, вызванной неприятным столкновением с действительностью: „... зліваліся радасць і глухая, адчайная безнадзейнасць, тужлівая скруха і вясёлы жыватворны дзіцячы смех, няўцешны плач па страчаным і звонкія птушыныя спевы...”² (Бондар, 1998, 5). Т. Бондарь передает боль, отчаяние, беспокойство своей героини и сама внутренне связана с ней в единое целое: „Цішыня расколвалася, асыпалася вакол і ўнутры, у душы, калючымі сколкамі, ранячы, змушаючы ўспомніць, што апакаліпсіс – гэта апакаліпсіс кожнай такой хвіліны, а яна ні словам, ні зрухам не баранілася”³ (Бондар, 1998, 4)

Автор показывает, что причина одиночества Анели – не природа человека, не „кошмарное” бытие, а конкретные чудовищные нормы и критерии человеческой жизни: „Бедныя, неразумныя дзеці! Грубы, груба ўведзены ў штодзённае карыстанне матэрыялізм за адно стагоддзе агаліў, спустошыў іх слабыя душы, зло, калі і не апраўданае, дык прызнанае як сіла ўсімі ідэалогіямі (...)”⁴ (Бондар, 1998, 42). Т. Бондарь, устами своей героини, пытается ответить на извечный вопрос: Какой жизненный путь должен выбрать человек – путь более легкий, но не всегда честный, или тяжелый, но верный?

Модель бытия создается не только благодаря концентрации литературного материала, „сжатого” рассказа, специфической системы персонажей, но и с помощью особой пространственно-временной организации. Подобно философским произведениям Просвещения, в современном белорусском философско-аллегорическом романе описание времени как исторической эпохи чрезвычайно условные. К примеру, в произведении *Башина* В. Некляева, главную роль играет

² „(...) сливались радость и глухая, отчаянная безнадежность, гнетущая тоска и веселый благодатный детский смех, безутешный плач по утерянному и звонкие птичьи песни (...)”.

³ „Тишина раскалывалась, осыпалась вокруг и внутри, в душе, колючими осколками, уязвляя, вынуждая вспомнить, что апокалипсис – это апокалипсис каждой такой минуты, а она ни словом, ни движением не защищалась”.

⁴ „Бедные, глупые дети! Грубый, грубо введенный в ежедневное пользование материализм за одно столетие обнажил, опустошил их слабые души, зло, если и не оправдано, то признанное как сила всеми идеологиями (...)”.

не время событий, а то, как они повлияют на формирование мировоззрения героя (Някляеў, 2009).

Как и в философской прозе Просвещения, в современном философско-аллегорическом романе фабульно-сюжетное и повествовательное время совпадают. Действие в таком произведении может длиться час, сутки, год – это не имеет значения. Мы не чувствуем движения времени, которое направляется в бесконечность. Развитие сюжета происходит как бы вне временных рамок. Для белорусского философско-аллегорического романа характерна „экстемпоральность”, или „вневременность”.

Субъективное время героев в белорусском философско-аллегорическом романе – специфическое. В тексте нет традиционных опорных моментов, по которым отсчитывается время: детство, юность, зрелость – в общем, нет физиологической изменчивости персонажа. Но зато присутствует внутреннее время героя, которому присущи продолжительность, динамичность, ритмичность. В. Казько в романе «Бунт невостребованного праха» пишет: „Адчай быў такі безвыходна халодны, непраглядна чорны, што ён (Говар) вымушаны быў з усяе моцы, аж да вясёлкавага ззяння, заплюшчыць вочы”⁵ (Казько, 2013, 5). Автор устами своего героя утверждает: „(...) чалавеку ўжо варта забараніць рабіць хоць што-небудзь дзеля чалавецтва. Бо не ўратаемся. Не выжывем. Не выжывем”⁶ (Казько, 2013, 296). Философско-аллегорический персонаж живет исключительно в мире своих мыслей, так как в конце концов ему следует сделать свой нравственный выбор.

Время в философско-аллегорическом романе тесно связано с пространством действия. В произведениях этого жанра оно чаще всего ограничено рамками площади, острова, населенного пункта, квартиры, самолета и др. Однако, несмотря на своеобразную ограниченность пространства таких произведений, оно вместе с тем открытое, ведь действие с тем же успехом может происходить в любом другом месте, иначе говоря, оно может разворачиваться „повсюду”.

⁵ „Отчаяние было таким безвыходным и холодным, непроницаемо черным, что он (Говоров) вынужден был изо всех сил, вплоть до радужного сияния, закрыть глаза”.

⁶ „(...) человеку уже следует запретить делать хоть что-нибудь ради человечества. Ведь не спасемся. Не выжывем. Не выжывем”.

Как и в философской прозе периода Просвещения, в белорусском философско-аллегорическом романе сохранился особый тип дискурса. Философско-аллегорический язык стремится к экспрессивности. Роману присущ монологический дискурс, но это не голос конкретного героя, в нем слиты голоса всего человеческого окружения. Группа людей, которым принадлежит собственно-прямая речь, представляется неким единством.

3. Заключение

Для понимания специфики становления современной белорусской философской прозы особенно важен и показателен опыт французского романа XVIII века. В белорусском философско-аллегорическом романе следует отметить обусловленные традицией французской прозы Просвещения следующие специфические черты: нераспространенный сюжет, параболическую композицию, универсальный тип героя, систему персонажей как ряд двойников, абстрагированный хронотоп, монологический тип дискурса. Эти признаки определяют художественное целое современного философско-аллегорического романа.

Литература

- Адамович, А. (1987). *Последняя пастораль*. Минск: Новый мир.
- Артамонов, С. (1960). *Философские повести Вольтера*. В: Вольтер. *Философские повести*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, с. 328–340.
- Бондар, Т. (1998). *Благаслаўленне Марыі*. „Полымя: Літ.-мастацкі і грамадска-палітыч. Часопіс” нр 10, с. 17–97.
- Быкаў, В. (2005). *Поўны збор твораў: У 14 т.*, т. 1. Мінск: Саюз беларускіх пісьменьнікаў.
- Вольтер (1998). *Собрание сочинений в 3 томах*. Москва: Литература, Сигма-пресс, РИК Русанова.
- Jilevitch, O. (2016). *Phenomenon of a solitary person in the parable literature*. В: *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции*. Ред. Р. Гагуа. Пинск: Полесский государственный университет, с. 283–289. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30651138>. 25.06.2018.

- Забабурова, Н.В. (1999). *Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра*. В: *XVIII век: литература в контексте культуры*. Москва: Издательство УРАО, с. 94–104.
- Казько, В. (2013). *Бунт незапатрабаванага краху*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Караткевіч, У. (2000). *Хрыстос прыязмліўся ў Гародні*. Мінск: Беллітфонд.
- Мінкін, А. (1994). *Праўдзівая гісторыя краіны хлудаў*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Монтескье, Ш.-Л. (1855). *Полное собрание сочинений. С комментариями писателей: Вольтера, Дюпина, Кревьера, Мабле и др.* [Oeuvres complètes de Montesquieu. Avec des notes de Dupin, Crevier, Voltaire, Mably, Servan, La Harpe, etc. На фр. яз.]. Париж: Лефевр.
- Някляеў, У. (2009). *Выбраныя творы*. Мінск: Кнігазбор.
- Пятровіч, Б. (1994). *Сон між пачвар*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Dornier, C. (2013). *Lectures de Montesquieu: „Lettres persanes”*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
- Rialland, N. (2013). *Roman et philosophie au temps des Lumières*. Paris: CNRS Éditions.
- Spector, C. (1997). *Montesquieu, les «Lettres persanes» : de l'anthropologie à la politique*. Paris: Presses Universitaires de France.